

Философия, литература, искусство и архитектура ар-деко на Западе родились в период между мировыми войнами и отражали мировоззрение «потерянного поколения». В ар-деко, как в зеркале, отразились настроения, возникшие в обществе после Первой мировой войны и в предчувствии Второй. Ар-деко в СССР имело совершенно другие идеологические корни при схожести форм и приемов. Романтические мечты о будущем светлом и справедливом обществе нуждались в монументальной поддержке архитектуры, которая в своих образах декларировала устойчивость, стабильность и радость бытия.

Ключевые слова: интербеллум; западное искусство и архитектура ар-деко; «потерянное поколение»; гедонизм; *dasein*; тень смерти; ар-деко в СССР; романтические иллюзии; монументальные образы стабильности, изобилия и устойчивости в архитектуре. /

Philosophy, literature, art and architecture of Art Deco appeared in the west during the interwar period and reflected the worldview of the “lost generation”. Art Deco, like a mirror, reflected the spirits that emerged in the society after the World War I and in anticipation of the World War II. In the USSR, Art Deco had quite different ideological roots, while having similar forms and techniques. Romantic dreams of the future fair society needed to be monumentally supported by architecture, which images declared the stability and happiness of existence.

Keywords: interbellum; western art and Art Deco architecture; “lost generation”; hedonism; *dasein*; the shadow of death; Art Deco in the USSR; romantic illusions; monumental images of stability, abundance and sustainability in architecture.

^ Париж 30-х годов

Ар-деко: западный гедонизм и советская романтика /

текст

Елена Багина /
text
Elena Bagina

Первая Мировая война, так или иначе, коснулась богатых и бедных, тех, кто прошел фронт и тех, кто только слышал далекие взрывы снарядов и читал военную хронику. «Жизнь и смерть всегда беру в кавычки, как заведомо пустые сплёт», – писала Марина Цветаева в 1926 году [1].

Есть даже в смерти некий промежуток:
вот ожил лист, и – все, и был таков...
Это строки Рильке [2].

Смерть к каждому подошла на предельно близкое расстояние. Простые радости жизни здесь и сейчас стали абсолютной ценностью. И на этом свежем, новом и в то же время трагичном ощущении жизни в изобразительном искусстве и архитектуре на Западе рождается ар-де-

ко. Границы этого явления широки. Называть ар-деко стилем в привычном понимании – как набор характерных деталей или набор характерных приемов – невозможно, хотя есть и то, и другое. Слишком широк диапазон этого явления; границы его размыты, и исследователям проще говорить отдельно о кубизме, пуризмe, неоклассике, палладианстве, функционализме, дадаизме, сюрреализме, чем видеть в этих явлениях нечто объединяющее. Этим объединяющим может быть общее для этого времени миропонимание.

Десять лет после Первой мировой войны называют бурными, или ревущими двадцатыми (Roaring Twenties). В это время радикально изменились мода и стиль одежды. Джаз, радио, звуковой кинематограф стали атрибутами повседневной жизни. Пуриганская этика и мораль больше не диктовали правила, прежние нормы были утрачены. В противовес пуриганской модели жизни в пышных декорациях эклектики и модерна родился пуризм в архитектуре и искусстве. Гендерная и экономическая независимость стала абсолютной ценностью. Свободу от условностей предыдущей эпохи женщины подчеркивали откровенно эротичными нарядами, ярким макияжем: на глазах – темные тени, на губах – кроваво-красная помада. Теперь они одни, без сопровождения, приходили в кафе, и вопреки всем правилам приличия курили папиросы, первые знакомились с мужчинами. А еще занимались спортом... Безудержный гедонизм этого времени был пиром во время чумы. Великая депрессия, фашизм, испанская трагедия в следующем десятилетии (1929–1939) вновь напомнили о том, насколько хрупок мирок в декорациях ар-деко.

Искусство, представленное на дорогих парижских Салонах середины 20-х годов, модернистские виллы, литература межвоенного периода давали состоятельным людям острое ощущение новизны, но в то же время поддерживали иллюзию спокойствия и стабильности. Богатые интерьеры, сделанные по принципам ар-деко – острого изысканной роскоши и уюта в беспокойном мире. Приняв неизбежность и близость смерти, люди этого времени старались не думать о будущем; ценность жизни они видели в настоящем – телесном и осязаемом. Жить здесь и сейчас – девиз этого времени. Такое

> Тамара Лемпицка.
Весна. Холст, масло, 1928

^ Париж 30-х годов

^ Дизайнер Эйлин Грей. Интерьер апартаментов мадам Матьё-Леви на ул. де Лота, Париж

Art Deco: the Western Hedonism and the Soviet Romance

миропонимание мы видим в прозе Эрнеста Хемингуэя. Вот короткий отрывок из романа «Фиеста. (И восходит солнце)» [3], написанного в 1926 году:

– Здесь хорошо, – сказал он.
 – Много выпивки, – поддакнул я.
 – Послушайте, Джейк. – Он наклонился над стойкой.
 – У вас никогда не бывает такого чувства, что жизнь ваша проходит, а вы ею не пользуетесь? Вы думаете о том, что вы уже прожили около половины отпущенного вам срока?

– Иногда думаю.
 – Вы знаете, что через каких-нибудь тридцать пять лет нас уже не будет?

– Да бросьте, Роберт, – сказал я. – Бросьте.
 Эпиграфом к «Фиесте» Хемингуэй выбрал слова Гертруды Стайн, сказанные между прочим в разговоре с шофером: «Все вы потерянное поколение, вся молодежь, побывавшая на войне. У вас ни к чему нет уважения. Все вы сопьетесь». Американская писательница, предпочитавшая жить в Париже, права: кто-то впал в депрессию, пытаясь «взять от жизни все», кто-то спивался, кому-то утешение давали путешествия и наркотики, иные старались жить как бы вне времени, «вспоминая себя» в окружении предметов нового искусства и артефактов прошлого. (Книга Георгия Гурджиева «Вспоминание себя» написана в 1923 (!) году) [4].

Философия Мартина Хайдеггера с его категориями «заботы» и «dasein» отражала настроения «потерянного поколения», к которому относились и те, кто снимал меблированные комнаты, и те, кто наслаждался жизнью в особняках Райта и Ле Корбюзье.

Забота по Хайдеггеру – важнейшая составляющая человеческого бытия, поскольку любой субъект является хранителем своего собственного бытия, реализуя те возможности, которые у него есть.

«Жизнь – это поистине самоцель. Если мы не живем здесь и сейчас, мы все равно, что мертвы», – писал Ричард Олдингтон в романе «Все люди враги» [5].

«Глубокая тоска, бродящая в безднах нашего бытия, словно глухой туман, смещает все вещи, людей и тебя самого вместе с ними в одну массу какого-то странного безразличия. Этой тоской приоткрывается сущее

v Арман-Альбер Рато. Интерьер, 1928

^ Жак Эмиль Рульманн. Шкафчик, начало 1920-х годов. Красное дерево, каповый шпон

^ Клеман Руссо. Стулья. Розовое дерево, инкрустация слоновой костью

^ Шарлотта Периан, 1933. Гостиная с креслами из черного лакированного дерева. Зал приемной маршала Лиотена

в целом», – цитата из знаменитой книги «Бытие и время» Мартина Хайдеггера [6]. Недаром этим шедевром философской мысли зачитывались интеллектуалы конца 20-х годов. Говорят, Лиля Брик переводила с немецкого и читала вслух Маяковскому отрывки из сочинений Хайдеггера.

Корни мироощущения, породившего ар-деко, можно поискать в более раннем, довоенном времени, которое мы привыкли называть эпохой модерна (art nouveau). Экзальтация, надлом, перенасыщенность символами, исторические аллюзии были приметам искусства и архитектуры рубежа XIX – XX века. Поэты, художники, архитекторы предчувствовали грядущую мировую

катастрофу. У кого-то это предчувствие выливалось в бегство в прошлое, уход в теологию и эзотерику, у кого-то – в эпатажный футуризм. Реальная жизнь как бы не существовала для тех, кто называл себя декадентом и щеголял цинизмом и развратом. Кокаин, алкоголь, однополовая любовь, тройственные брачные союзы... Какие только стимуляторы пресыщенных чувств не пробовали представители имущих классов и артистической богемы... Не были идиллией и ночные сборища художников и литераторов в петербургской «Бродячей собаке»: «Все мы бражники здесь, блудницы,/ Как невесело вместе нам!», – писала Ахматова [7].

Живописные опыты беспредметников, апологетика «чистых плоскостей» и природных фактур в архитектуре – тоже ответ на вызовы времени (виллу Карма близ Монтрё на Женевском озере Адольф Лоос строит в 1903–1906 гг., знаменитая статья «Орнамент и преступление» написана в 1908). Адольф Лоос противопоставлял свои произведения работам и идеям большинства коллег в Австрии и за рубежом и не желал иметь ничего общего ни с одной из многочисленных художественных группировок. Мнимая простота форм в архитектуре австрийского бунтаря и нигилиста Лооса будет в 20-е годы XX века восприниматься уже как естественная, но на рубеже веков она была эпатажной. Его дома называли голыми, домами без бровей и т. п.

Простота построек Ле Корбюзье 20-х годов при всех его «социалистических» декларациях слишком изысканна, чтобы этот стиль можно было называть функционализмом. В нем, пожалуй, меньше функциональности, чем в традиционных виллах эпохи эклектики и модерна. Барселонский павильон Миса ван дер Роэ (1929) тоже не был в традиционном понятии выставочным павильоном, точно так же, как и многие постройки Корбюзье не были традиционными буржуазными домами (вилла Монморанси в Берк под Парижем (1921–1922), дома Ля-Рош-Жаннере, (1922–1925), вилла Савой (1929–1930) – это скорее эпатажные декларации, чем жилые дома). Для семьи промышленника Пьера Савой загородный дом в парижском предместье Пуасси, спроектированный Ле Корбюзье, был дорогой забавой. Но у этой забавы очень скоро начала протекать крыша, и дом оказался непри-

> Клавдиус Линосье. Письменный стол и кресло, 1930. Пальмовое дерево, ясеневый кап, хромированный металл, обивка кожей питона

^ Париж 30-х годов

^ Всесоюзный парад физкультурников на Красной площади, 12 июля 1937 г.

^ Студенты 20-х годов. США

годным для длительного пребывания семьи. Судьба этого строения трагична.

Подобно ар-нуво, искусство интербеллума как губка впитывало в себя полярные идеи, поэтому формы и ар-нуво, и ар-деко бесконечно разнообразны, но объединяет их праяная смесь роскоши и экзотики. Тянущиеся, изогнутые, вьющиеся линии ар-нуво в ар-деко сменяет ломаная линия. Волнистые крыши и нервные ритмы ар-нуво в архитектуре 20-х – 30-х годов XX века исчезают, и появляются многогранники и ступенчатые завершения, в моду входят странные, как бы «припухшие» кривые. Дизайн новейшей техники – парашютов, автомобилей, аэропланов – тоже повлиял на формы архитектурных сооружений. С начала 20-х вплоть до 70-х годов XX века дома, напоминающие корабли, не дают покоя архитекторам. Идея отрыва здания от земли тоже живет в профессиональном сознании.

Несмотря на декларативную «динамику архитектурных форм» и парадоксальные контрасты, искусство ар-деко склонно создавать иллюзию устойчивости и стабильности.

Желание преодолеть апатию и безразличие «потерянного поколения» в искусстве и архитектуре выливалось в использовании контрастных сочетаний интенсивных цветов – белого с черным и золотисто-коричневым; алого с желтым и черным; изумрудно зеленого с коричневым... Яркие вкрапления красного, зеленого, синего на белом или черном фоне символизировали отголоски минувшей бури.

В интерьерах монументальные кресла и шкафы сочетались с легкими этажерками и столиками. Тяжелые столешницы зачастую опирались на тонкие изогнутые опоры (подобно слонам на тонких паучьих ножках, которые кочуют из картины в картину у Сальвадора Дали).

Контраст цвета в архитектуре и мебели ар-деко поддерживался противопоставлением тяжелого и легкого. В интерьерах часто используются изящные столы-трансформеры рядом с тяжелыми тумбами и шкафами. С такой мебелью хорошо уживаются абстрактные, кубистические и сюрреалистические полотна. Предметы в интерьерах этого времени кажутся плавающими в огромных аквариумах комнат с панорамным остеклением. Акцентом часто

служат драгоценные восточные ковры или экзотические артефакты (японские вазы, подлинные египетские скульптуры, китайские ширмы и веера). В архитектуре зданий симметричные монументальные объемы вступают в конфликт с тонкими опорами. Иногда сложившейся исторической застройке противопоставляются построенные рядом пуристические строения, где форма целого строится с использованием абстрактных универсальных плоскостей (Дом Шрёдер – здание в Утрехте, построенное в 1924 году Герритом Ритвельдом для госпожи Трюс Шрёдер).

Простота форм ар-деко мнима, она подобна строгому дорожному костюму аристократа, где значимо все – от края до пургов и переплетения нитей в ткани. Казалось бы, подражать аристократической простоте несложно. Строгие геометрические формы, кажется, легко скопировать. Но не тут-то было. Такое копирование хуже воровства. Любое Эллачка в знаменитом романе Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» [8] соперничает с красавицей из рода миллионеров Вандербильтов. Увы, крашенный кролик и платье из толстовки мужа – иллюзия приближения к идеалу.

Но Эллачка – жена скромного инженера Щукина. А вот мадам Луначарская, например, могла себе позволить и модные платья от Скьяпарелли, и интерьеры ар-деко.

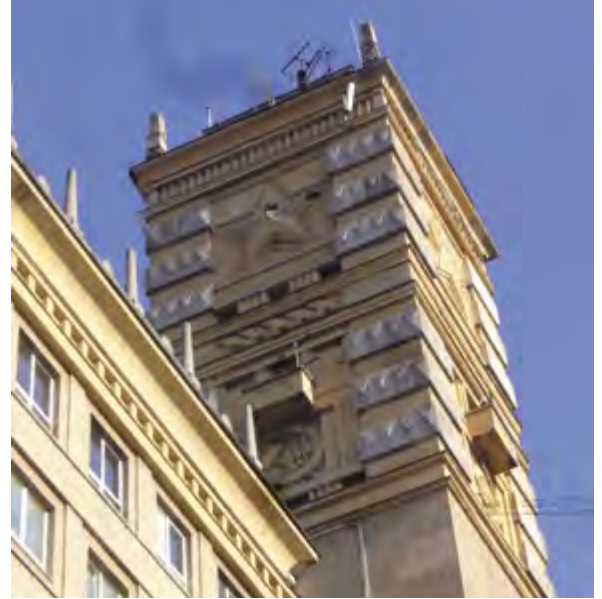
Курцио Малапарте в романе «Бал в Кремле» так описывает платье жены Анатолия Луначарского: «Платье было

< Шарлотта Периан. Буфет, 1927. Махагониевое дерево, хромированный металл, отпескоструенное стекло

^ Военная академия. Арх. Л. В. Руднев, В. О. Мунц, 1937

^ Военная академия

чуть тяжеловатое, чуть барочное, – известно, что мадам Скъяпарелли подражала складкам тканей на рисунках Микеланджело, драпировкам статуй Кановы, римскому барокко в манере Доменикино, в котором цвета напоминают тени деревьев у Пуссена и лазоревые тени Коро [9].

Модель истории советской архитектуры, которая сложилась в 60–70-х годах XX века игнорировала ар-деко как явление, но многие постройки 20–30-х годов в СССР очень близки по форме западным аналогам. Правда, в советских декорациях ар-деко жила только новая элита, имеющая возможность ездить по миру (вспомним дома для высшего партийного и военного руководства начала 30-х годов. Что это, как не ар-деко?). Однако те настроения, которые были свойственны западному обществу между двух мировых войн, в СССР не были распространены: «Советское общество было не просто самым романтичным во всей человеческой истории, пожалуй, оно было единственным, включавшем в себя романтику в качестве важнейшего структурного элемента. Это закономерно, потому что его строили как раз революционные романтики, мечтавшие о том, что в те годы казалось недосяжимым – о справедливом обществе, о полете к звездам, о создании гармоничного нового человека» [10]. Архитектура и искусство ар-деко в СССР питались другой идеологией, при всей схожести форм с американскими и европейскими аналогами. Такое в истории архитектуры и искусства случалось не один раз.

Идея создания дворцов для народа кажется сегодня абсурдной. Но эти дворцы были созданы в 30–50-е годы XX века в СССР (клубы, кинотеатры, санатории, станции московского и ленинградского метрополитена, элитные дома для высшего партийного руководства).

Архитектура и дизайн ар-деко аристократичны. Идеально отполированное дерево редких пород в сочетании с хромированным металлом, драгоценные породы камня, дорогая натуральная кожа, идеальные плоскости и выверенные линии силуэтов. Не существует ар-деко демократичного и недорогого. Любое подражание с использованием дешевых материалов скатывается в кич. Возможно оттого, что элитарных построек и уникальных вещей ар-деко было немного, жизнь в окружении предметов искусства доступна была не всем, а дешевых подделок,

копирующих стилевые приемы – огромное количество, искусство и архитектуру ар-деко многие исследователи презрительно называют кичем, а точнее – кэмпом (camp), вероятно, ориентируясь на ширпотреб того времени.

Наслаждаться жизнью здесь и сейчас, ибо завтра может никогда не наступить – девиз западного искусства ар-деко, Девиз советского ар-деко – будущее как бы уже наступило, жизнь здесь и сейчас прекрасна, несмотря ни на что. Но тень смерти прослеживалась в искусстве и архитектуре этого времени и в СССР, и на Западе.

Откровенный гедонизм состоятельных представителей западного «потерянного поколения» имеет глубокие корни. Концепцию этого учения разработал древнегреческий мыслитель Аристипп. Он считал, что у души человека есть два состояния – удовольствие и боль. Виды удовольствия несущественны. Счастье по Аристиппу – это максимальная степень удовольствия без боли. Боли в Первую мировую войну было предостаточно. Героям интербеллума хотелось удовольствий без боли и ответственности. Но этот путь вел в пустоту.

Романтизм, питавший ар-деко в СССР, как оказалось, тоже привел к пропасти.

Умерло ли мироощущение, породившее ар-деко, после Второй мировой войны, живо ли оно сегодня – вопрос спорный. Гедонизм, свойственный элите, никуда не исчез. Хрупкость бытия в тени смерти ощущается сегодня не столь остро, как в период интербеллума. Мастеров, способных создавать элитарную архитектуру и предметы искусства, все меньше и меньше, да и представителей элиты, способных оценить высокое искусство, совсем немного. Может, оттого мы так остро воспринимаем утрату архитектурного наследия – как дореволюционного, так и советского – и вновь начинаем изучать ордера.

Вопросы философии формы в архитектуре и искусстве сегодня подменяются демагогией по поводу «зеленой архитектуры», «формирования комфортной среды», «умных городов» и т. п.

Пренебрежение вопросами философии формы и спекуляции искусствоведов, поддерживающих профанацию contemporary art, создали условия, при которых мало кто может отличить подлинное мастерство, гармонию и красоту от дешевого кича.

^ Манежная площадь.
Реконструирована в
1935–1938 гг.

Литература

1. Цветаева, М. И. Новогоднее: [поэма]. – URL: http://www.tsvetayeva.com/big_poems/po_novogodnee
2. Рильке, Райнер Мария. Здесь воздух затхл, как в комнате больного: [стихотворения]. – URL: <https://rustih.ru/rajner-mariya-rilke-zdes-vozdush-zatxl-kak-v-komnate-bolnogo/>
3. Хемингуэй, Эрнест. Фиеста (И восходит солнце): [роман]. – URL: <http://hemingway-lib.ru/book/fiesta-i-voskhodit-solntse-1.html>
4. Гурджиев, Георгий. Вспоминание себя. – URL: <http://gurdjieff.ru/content/view/23/2/>
5. Олдингтон, Ричард. Все люди – враги: [роман]. – URL: http://librebook.me/all_men_are_enemies
6. Хайдеггер, Мартин. Бытие и время. – URL: <https://www.livelib.ru/book/1000444509/quotes-bytie-i-vremya-martin-hajdegger>
7. Ахматова, Анна. Все мы бражники тут, блудницы: [стихотворения]. – URL: <http://www.stihi-rus.ru/1/Ahmatova/21.htm>
8. Ильф, Илья; Петров, Евгений. Двенадцать стульев: [роман]. – URL: http://az.lib.ru/i/ilfpetrov/text_0120.shtml
9. Малапарте, Курцио. Бал в Кремле: [роман]; [пер. с итал. А. Ямпольской]. – Москва: «Редакция Елены Шубиной», 2019
10. Краснов, Павел; Шатурич, Михаил. Романтика в советской жизни и ее метаморфозы. – URL: <http://www.rusproject.org/node/1371>

References

- Akhmatova, Anna. (n.d.). Vse my brazhniki tut, bludnitsy [Here we are all drunkards and whores]: [poems]. Retrieved from <http://www.stihi-rus.ru/1/Ahmatova/21.htm>
- Aldington, Richard. (1933). All men are enemies. Retrieved from http://librebook.me/all_men_are_enemies
- Gurdzhiev, Georgy. (1923). Vspominanie sebya [Remembering myself]. Retrieved from <http://gurdjieff.ru/content/view/23/2/>
- Heidegger, Martin. (n.d.). Bytie i vremya [Being and time]. Retrieved from <https://www.livelib.ru/book/1000444509/quotes-bytie-i-vremya-martin-hajdegger>
- Hemingway, Ernest. (n.d.). Fiesta (I voskhodit solntse) [Fiesta (The Sun Also Rises)]: (novel). Retrieved from <http://hemingway-lib.ru/book/fiesta-i-voskhodit-solntse-1.html>
- Ilf, Ilya, & Petrov, Evgeny. (n.d.). Dvenadsat' stulyev [The twelve chairs]. Retrieved from http://az.lib.ru/i/ilfpetrov/text_0120.shtml
- Krasnov, Pavel, & Shaturin, Mikhail. (2013). Romantika v sovetskoi zhizni i ee metamorfozy [Romance of the Soviet life and its metamorphoses]. Retrieved from <http://www.rusproject.org/node/1371>
- Malaparte, Curzio. (2019). Bal v kremle [The Kremlin Ball]: [novel]. (A. Yampolskaya, Trans.). Moscow: "Redaktsiya Eleny Shubinoi".
- Rilke, Rainer Maria. (n.d.). Zdes' vozdukh zathl, kak v komnate bolnogo [The air is as stuffy here as in the sick room]: [poems]. Retrieved from <https://rustih.ru/rajner-mariya-rilke-zdes-vozdush-zatxl-kak-v-komnate-bolnogo/>
- Tsvetayeva, M. I. (1927). Novogodnee [New Year's letter]: [poem]. Retrieved from http://www.tsvetayeva.com/big_poems/po_novogodnee

v Клуб издательства
«Правда»

v Встреча летчика Громова